

Казимиров Максим Сергеевич

аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-150233

УКЛАД И БЫТ ЧУВАШСКОЙ ДЕРЕВНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЭМЫ К.В. ИВАНОВА «НАРСПИ»)

***Аннотация:** поэма Константина Иванова «Нарспи» остается одним из наиболее узнаваемых художественных произведений чувашской культуры. Написанное в 1907–1908 гг. и переведенное на множество языков не только народов России, но и ряда зарубежных стран, оно остается примечательным и во многом уникальным историческим и этносоциокультурным источником о традиционном укладе жизни чувашей до начала XX в. Материалы, увековеченные Константином Васильевичем, образуют целостное повествование о чувашской культуре и традициях, подкрепленное их живыми, красочными описаниями. Однако в фокусе большинства исследований подчеркивается именно литературная ценность этого бессмертного произведения, в то время как можно смело утверждать и о том, что оно изобилует материалами этнографического и фольклорного характера. На их выявление, описание и систематизацию направлено настоящее изыскание.*

***Ключевые слова:** поэма «Нарспи», чувашская деревня, народные обычаи чувашей, литературный анализ.*

Актуальность исследования связана с тем, что сложившаяся система взаимодействия между людьми и народами во многом основана на традициях. Их основы были заложены в глубокой древности, но они продолжают проявляться в настоящем влиять на будущее. Дополнив известные нам сведения, мы приблизимся к более точному пониманию природы этой нерушимой связи. Таким образом, исследование преемственности традиций чувашей, пятого по численности этноса Российской Федерации, представляет принципиальную важность для

отечественной науки. Объектом изыскания является поэма К.В. Иванова «Нарспи», предметом послужило отражение в поэме К.В. Иванова «Нарспи» жизни и быта чувашской деревни на рубеже XIX–XX вв.

Ознакомление с историографией темы показало, что в историко-этнографической литературе она не получила должного освещения. Лишь отдельные ее аспекты отражены в работах В.В. Медведева и И.Г. Петрова. Значительный вклад в изучение устройства и быта чувашской деревни в дореволюционный период отечественной истории внесли Н.И. Ашмарин, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров и проч. Таким образом, цель работы заключалась в том, чтобы на основе этнографического и фольклорного материала поэмы К.В. Иванова «Нарспи» охарактеризовать особенности устройства, жизни и быта чувашской деревни конца XIX – начала XX в. Для достижения цели исследования были решены три основные задачи, в частности: проведен краткий обзор различных изданий и переизданий поэмы «Нарспи»; проанализирован текст поэмы «Нарспи» на предмет наличия этнографических и фольклорных материалов, раскрывающих особенности жизни и быта чувашской деревни; обобщены и систематизированы полученные сведения.

Основными источниками, положенными в основу исследования, послужили издания и переиздания поэмы К.В. Иванова разных лет. В частности, нам известно о существовании как минимум 33 переизданий этого бессмертного произведения. В свою очередь, это изыскание основано на анализе одного из наиболее ранних изданий поэмы «Нарспи», опубликованного государственным издательством «Художественная литература» в 1940 г. Перевод текста произведения на русский язык, вполне отражающей содержательные, в первую очередь этнографические и фольклорные, свойства произведения, был выполнен поэт А.А. Жаровым, вошедшим в историю также авторством пионерского гимна «Взвейтесь кострами, синие ночи». Научная же новизна изыскания состоит в том, что впервые была предпринята попытка проанализировать с этнографической и фольклорной точки зрения представленные в тексте Поэмы описание структуры поселения – планировку улиц, внутреннее и внешнее убранство жилых домов,

хозпостроек и иных объектов, используемых персонажами произведения. Теоретическая и практическая значимость заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе при преподавании исторических и культурологических дисциплин, а также будут полезными для лиц, изучающих культуру и быт народов России.

Точных данных, однозначно указывающих на то, какое именно поселение стало прототипом увековеченного в поэме «Нарспи» села Сельби, нет. Однако, по словам самого автора, поэма является стихотворным преданием, услышанным и записанным им в родном селе. Так, по одной из наиболее распространенных гипотез, прообразом места действия поэмы стала достаточно крупная деревня Слакбаш (чувашское название «Слакпуç») Белебеевского уезда Уфимской губернии – родина К.В. Иванова [3, с. 38]. Согласно Уфимским епархиальным ведомостям, она была населена исключительно чувашами, что косвенно подтверждает это предположение. Хотя не исключено, что село Сельби могло явиться и неким собирательным образом чувашских сел и деревень рубежа XIX–XX вв.

Поэма «Нарспи» была опубликована еще при жизни автора – в книге «Сказания и предания чуваш», изданной в Симбирске в 1908 году [1]. Об этнографической и фольклорной ценности поэмы «Нарспи» свидетельствует и тот факт, что К.В. Иванов – автор этого бессмертного произведения – сызмальства мыслил, жил и работал в социокультурном пространстве, созданном его земляками, и достаточно детально описал его на страницах своего произведения. В частности, до наших дней дошли увековеченные Константином Васильевичем в тексте поэмы характеристика расположения и структуры чувашского поселения, особенности мировоззрения его жителей, описания мужской и женской одежды (как праздничной, так и повседневной), календарных празднеств, свадебных торжеств и даже магических обрядов.

Показательны также названия глав поэмы, отсылающие читателя к событиям, характеризующимся особой важностью как для общины в целом, так и для каждого ее субъекта в частности, и исходя из этого напрямую затрагивающим элементы национальной обрядовости. В их числе: «Канун сымэка» и «После

сьимэка», где «Сьимэк» (произношение и написание на чувашском языке – «Ѕимёк») не имеет буквального перевода на русский язык, но аналогичен православной Троице – в этот день принято поминать и символически угощать предков, а также посещать места их захоронений; «Свадьба» и «Две свадьбы» (на страницах оригинального произведения К.В. Иванова, опубликованного в 1908 г. на чувашском языке, наименования этих глав – «Туй» и «Ике туй») – значение свадьбы в традиционной культуре чувашского народа стоит на высочайших позициях и символизирует переход к новой вехе существования, сопоставимый с рождением и смертью; «У знахаря» (в оригинальном тексте поэмы – «У юмăс») – столетиями знахари сохраняли наиболее высокое социальное положение, занимаясь, как считалось, врачеванием и взаимодействием с духами, а также играя ключевую роль в ритуалах и обрядах общин.

На первых же страницах поэмы встречается описание общей экспозиции села, свидетельствующее о наличии полевой ограды по периметру поселения [2, с. 12]. Эта ограда, чувашское наименование которой «укълча», выполняла не только практическую, но и магическую функцию. Так, она практически защищала поселение от непрошенных гостей и диких животных, в то же время магически символизируя границу жизненного пространства, незримо оберегающую его жителей и урожай. Факту переступления изгороди приписывалось важное символическое значение – его символизирует, например, описанный К.В. Ивановым эпизод демонстративного прохождения через одни из семи ворот села Сильби свадебного поезда Тахтамана.

Жилые строения, из которых состояли чувашские деревни в конце XIX – начале XX в., были преимущественно деревянными. Сами же деревни в общей своей массе сочетали столетиями устоявшиеся традиции, связанные с сохранением в пределах деревни «зеленых» участков леса, с уличной планировкой поселения. Согласно описанию автора, улицы Сильби широки, а дворы – многочисленны.

Примечательно, что в самом начале повествования К.В. Иванов приводит достаточно подробное и детальное описание Сильби. Можно сказать, тем самым

автор перечислил критерии, общие для подавляющего большинства народов, населяющих европейскую часть территории России. Именно от степени соответствия им напрямую зависел выбор места будущего поселения. Так, в тексте поэмы упомянуто наличие реки, в прошлом являвшейся основным транспортно-логистическим путем, соединявшим различные города, села и деревни. С противоположной же стороны Сильби окружено лесом, выполнявшим не только хозяйственную, но и защитную, а также ритуальную функцию, и лугом, необходимым для посева и выпаса скота.

Текст поэмы изобилует сведениями о структуре Сильби. Так, К.В. Иванов неоднократно упоминал об «Анат кас» и «Тури кас». В современном чувашском языке топоформант «кас» отдельно не употребляется, но часто используется для обозначения выселка или околотка, одного из «концов» сложного поселения. Эта характерная особенность, отмеченная поэтом, наблюдается и в наши дни: в особенности центральная и северная части Чувашии изобилуют топонимами, содержащими его – Вурманкасы, Чиршкасы, Идагачкасы и другие. В частности, согласно сюжету произведения, дом Михэдера находился в «Тури кас», то есть – в верхнем конце поселения.

Неотъемлемыми элементами чувашских поселений, конечно же, являлись источники питьевой воды. Один из них – деревенский колодец – неоднократно становился местом свиданий не только Сетнера и Нарспи, но и их односельчан.

Местом, ритуальное значение которого также сложно переоценить, является кладбище. В разных контекстах погост деревни Сильби неоднократно упоминался К.В. Ивановым в содержании произведения. Так, в тексте Поэмы фигурировал праздник весеннего поминовения умерших предков «калӑм». Был отмечен автором и эпизод воздаяния почестей предкам со стороны участников свадебного поезда Тахтамана при выезде из Сильби.

Похороны Сетнера и родителей Нарспи не описаны подробно. Однако характерно и показательно, что похороны главной героини, именем которой названо произведение, прошли в отдалении от основного деревенского некрополя [2, с. 92]. Напомним, в завершающей части повествования девушка

наложила на себя руки – для защиты от негативных мистических последствий этого решения могила девушки была устроена в Конопляном логу, неподалеку от места обнаружения ее безжизненного тела.

Особую этнографическую ценность представляет оставленное автором описание экстерьера и интерьера традиционного чувашского усадебного комплекса – двора, многочисленных хозяйственных построек и непосредственно жилища. Одной из характерных особенностей увековеченных автором усадеб Михедера и Тахтамана является их комплексный характер, не предполагающий рассмотрение какого-либо из многочисленных строений вне контекста этих домостроенных единиц. В оригинальном, опубликованном на чувашском языке варианте поэмы, они имеют другие наименования, родственные по звучанию и написанию общей для подавляющего большинства языков тюркской группы морфеме «йорт». Среди них: «сұрт», «кил-сұрт» и «пұрт-сұрт».

Оставленные автором материалы позволяют нам сделать выводы и относительно размеров богатых усадеб зажиточных чувашских семей. Так, накануне основных празднеств в доме жениха отец Нарспи – Михедер – установил в своей усадьбе протяженный стол, сумевший уместить всех многочисленных гостей. Кроме того, описывая прибытие свадебной процессии Тахтамана, Константин Васильевич упоминает точное количество конных повозок с гостями, въехавших во двор его усадьбы – сорок три [2, с. 55]. Исходя из этого, можно смело утверждать об обширности упомянутых единиц жизненного пространства.

Обращают на себя особое внимание не только многочисленные постройки, образующие богатую усадьбу Михедера, но и ворота, ведущие в ее двор. Они широки, укреплены металлическими коваными створками и увенчаны двускатным перекрытием [4, с. 297]. Представленное автором описание соответствует русскому типу ворот, возводимых лишь зажиточными домохозяевами. Ворота в менее богатые усадьбы как правило возводились из жердей и прясла [5, с. 24].

Усадебный комплекс описанного К.В. Ивановым типа, помимо непосредственно хозяйского дома, состоял из: лачуги, представлявшей собой изначально примитивную форму жилища, но впоследствии зачастую используемой в

качестве летней кухни и места отдыха в теплое время года; клетки, предназначенной для хранения зерна и орудий труда; хлева, в котором содержался скот; бани, служащей для гигиенических и досуговых целей после тяжелой работы; погреба для хранения провизии и изготовления традиционного домашнего пива; конюшни, являющейся местом содержания лошадей, а также саней и повозок. Кроме того, автором упомянуто и обрядовое назначение клетки – именно там, как велит традиция, были заперты молодожены для проведения первой брачной ночи [2, с. 54].

Примечательно и оставленное К.В. Ивановым описание самих жилищ – не только зажиточных усадеб Тахтамана и Михедера, но и достаточно бедных домов матери Сетнера и знахаря. Отметим, что на строках произведения логически взаимно противопоставлены два принципиально разных типа строений, в прошлом распространенных повсеместно не только в границах чувашских поселений, но и вне их. Мы говорим о так называемых «белой» избе с одной стороны и «черной» или «курной» – с другой. Их принципиальное отличие заключалось в способе отопления: в традиционных и более архаичных курных избах дым распространялся по всему жилищу, в то время как белые избы, получившие широкое распространение значительно позже, были оснащены печью с дымоходом. По описанию К.В. Иванова, изрядно задымленная черная изба знахаря оснащена земляным полом [2, с. 38], призванным, по всей видимости, обезопасить строение от пожара.

Жилые постройки обладали внутренним символическим разделением. Основным и наиболее значимым объектом в традиционных избах, служивших отправной точкой специфического секторального деления, служила печь. Противоположный ей угол считался наиболее почетным в доме. В научной этнографической литературе встречается несколько наиболее часто используемых его наименований – «передний угол», «красный угол», «большой угол», «старший угол» и «божий угол». Именно в этом месте располагался домашний иконостас и совершались религиозные обряды, а в дни застолий ближе к нему место предлагалось наиболее уважаемым гостям – как, например, старожилы в избе Михедера

или Тохтаман в своем доме [2, с. 58]. В оригинальном тексте произведения фигурирует его чувашские наименования – «кёреке», этимологически восходящее к общетюркской морфеме «кереге», обозначавшей решетчатый остов «йорта», и «тур кётесси», буквально переводящееся как «божий угол». Передняя же и, следовательно, наиболее почетная часть традиционной чувашской избы, именовалась «тёпел». Зачастую это место было символически огорожено особой перегородкой, именовавшейся «чалан» или «пүлём». Своеобразной же границей жизненного пространства служил так называемый «дверной угол» или, как он обозначен на строках оригинального произведения, «алăк кукри».

Домашняя мебель также не обделена вниманием писателя. Так, Константин Васильевич пишет о широкой лавке, стульях, столах из белой липы и дуба. Упомянут и символический занавес (в оригинальном варианте произведения – «чаршав»), за которым Нарспи ожидает встречи с женихом. Ожидание невесты за занавесом в передней части избы и исполнение плача невесты, символизировавшего прощание с родными и отчим домом, также служит данью давней народной традиции [6, с. 183].

Произведение завершает этнографическое наблюдение, вероятно, связанное с обрядом инициирования дождя. Так, четыре последние строки поэмы описывают то, как жители Сильби в жаркие дни приходят к могиле Нарспи и обливают ее ключевой водой [2, с. 93]. Согласно поверьям, встречающимся у многих народов Волго-Уралья, умершие недоброй смертью могли мстить бывшим односельчанам засухой и длительным отсутствием дождя. Практика полива могилы водой может быть истолкована в качестве подношения покойному с целью умиротворить его.

Таким образом, можно однозначно утверждать о том, что поэма «Нарспи», литературная ценность которого не может быть предана сомнению, безусловно, изобилует и сюжетами этнографического содержания. Они отразили ряд особенностей традиционной культуры чувашской деревни, отражающей лейтмотив ее уклада и быта до XX столетия. При этом автором были воспроизведены образы не только поселений и жилищ, но и многочисленных ритуальных обрядов, а

также прочих многочисленных этносоциокультурных особенностей. Гармоничное сочетание сюжетной линии с судьбой героев, дополненные этнографическими зарисовками, позволили К.В. Иванову в полной мере воплотить в жизнь свой блестящий творческий замысел.

Список литературы

1. Иванов К.В. Нарспи / К.В. Иванов // Сказания и предания чуваш. – Симбирск: Типография А. и М. Дмитриевых, 1908. – С. 66–99.
2. Иванов К.В. Нарспи / К.В. Иванов; пер. с чув. А. Жаров; под ред. В.В. Казина. – М.: Художественная литература, 1940. – 93 с.
3. Иванов В.П. История старинного чувашского села Слакбаш / В.П. Иванов // Вестник Чувашского университета. – 2020. – №4. – С. 36–44. – DOI 10.47026/1810-1909-2020-4-36-44. – EDN SLZOXD
4. Медведев В.В. «Нарспи» К.В. Иванова: традиции чувашей на страницах поэмы // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – №1. – С. 294–303. – DOI 10.18503/1992-0431-2017-1-55-294-303. – EDN YJNDRD
5. Надырова Х.Г. Хазаро-българские традиции в градостроительстве Волжско-Камской Булгарии / Х.Г. Надырова // Известия КазГАСУ. – 2010. – №2. – С. 20–31. – EDN NUHSGP
6. Петров И.Г. Этнография и фольклор чувашского народа в поэме К.В. Иванова «Нарспи» / И.Г. Петров // Николаевские чтения: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф., посвящ. академику В.В. Николаеву. – 2011. – С. 182–185. EDN TCHCPJ